

Наталья Духина

Я не зомби!

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

Духина Н.

Я не зомби! / Н. Духина — «Эксмо», 2016

«...Стоп. А если я копия и есть? В обезьяньем, допустим, теле? Да ну, не может быть. Хотя... показалось или нет, будто пальцы прошли по волосатому покрову вместо гладкой кожи? Черт-те что мерещится. Отложим версию как маловероятную. И кончаем морочиться, работаем. В стену должна быть вмонтирована такая маленькая штучка – для персонала, случайно запертого. Сотруднички у нас раззявы те еще, обезопасились втайне от начальства. Ага, нащупала. Нажала строго определенным образом. И скрючилась от хлынувшего света. Дуреха, глазки-то прикрывать надо! Но разглядеть успела: никакая я не обезьяна. Обычная женщина. Наверное, что-то пошло не так во время процедуры...»

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

© Духина Н., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Духина

Я не зомби!

Глава 1

25 июля

Темно. Абсолютная чернота. А глаза-то у тебя открыты, милая?

Похлопала веками – открыты. Так темно или ослепла?

Тело! У меня должно быть тело, помню точно. Сжала кулаки – сжимаются. И ноги – подозрительно странным образом, но шевелятся.

Я разозлилась.

Меня что, в гроб определили? Собралась с духом и изо всех сил ломанулась встать.

Получилось. Значит, не в гробу. Ф-фу, аж сердце зашло – а ну как и вправду похоронили живо.

Прошлась на ощупь вдоль стенок. Углы по сто двадцать градусов, стороны по два метра – в периметре получается шестиугольник. Никак наш родимый бокс для подопытных? Он самый, вон и вмятинка характерная.

Почему я здесь?

Памятью ослабла, что ли, ты ж сама восторженно верещала, когда Леха предложил! «Это тебе подарок ко дню рождения!» – сказал. Оригинальный такой подарочек – считать мозг и записать на носитель. Иметь свою копию мало кто может себе позволить: в массовое производство технологию пускать не предполагалось, да и хранение требует особых условий.

Стоп. А если я копия и есть? В обезьяньем, допустим, теле?

Да ну, не может быть. Хотя... показалось или нет, будто пальцы прошли по волосатому покрову вместо гладкой кожи?

Черт-те что мерещится. Отложим версию как маловероятную. И кончаем морочиться, работаем.

В стену должна быть вмонтирована такая ма-аленькая штучка – для персонала, случайно запертого. Сотруднички у нас раззявы те еще, обезопасились втайне от начальства. Ага, нащупала. Нажала строго определенным образом.

И скрючилась от хлынувшего света. Дуреха, глазки-то прикрывать надо! Но разглядеть успела: никакая я не обезьяна. Обычная женщина.

Наверное, что-то пошло не так во время процедуры. Считывание происходит в удобном кресле, в нем же пациент и очухивается. А не в темном боксе. Я спокойна, спокойна. Десятки раз проделывали, ни разу никаких эксцессов. Но то ж с другими. А с тобой, Наталья, всегда чепэ, сколько себя помню... Не распыляйся на философию, свыклась со светом – и вперед, наружу!

А снаружи-то – никого... Не ждали, называется.

Если меня изолировали – значит, не стоит афишировать, что я освободилась. Что-то мне все это не нравится... шутка какая-то дурацкая. Ну, погодите...

Заперла бокс с внешней стороны на известный код. В окошке наблюдения, настроенном на инфракрасный режим, подправила картинку: стерла свой выход, скопировала мувик длительностью полчаса, где я безжизненно валяюсь, и поставила циклить. Ха, Леха, это тебе привет от меня, потом вместе поржем.

Стащила халат из закутка бабы Маши, нашей уборщицы, накинула на плечи и в обход камер добралась до своей комнатки.

Да, у меня собственный кабинет. Маленький, но сам факт приятно греет самолюбие. Петрович постарался, мой научный руководитель еще с аспирантуры, и защититься тогда помог, и с работой – взял к себе в группу. Институт у нас престижный, с улицы не попасть. Повезло, одним словом, с шефом, хороший мужик. И сама я хорошая, умная, добрая (хвалить себя, повышая самооценку, рекомендовал штатный институтский психолог).

Запустила комп.

И обалдела.

Кто смел касаться моего сокровища?! Почему фон другой?! Что за новая папка в рабочем разделе, да еще и запароленная, вот гады... Перешли черту, называется. Игривое настроение испарилось.

Ввела поочередно свои секретные пароли, и на третьем – самом интимном, если можно так выразиться – директория открылась. Сердце екнуло. Кроме меня, этот пароль не знал никто – вообще. Рылись в моем мозге? Зачем?!

Число! Какое сегодня число?

Боже ж ты мой, день рождения у меня 22 января, и ложилась на считывание я чуть загодя – двадцатого... А компьютер утверждает – нынче 25 июля! И ведь не врет: за окном – лето, как сразу-то не сообразила, вся из себя умная... Хорошо хоть год один в один.

Господи, а кто и что с Танькой? Перед уходом на процедуру предупредила заведующую, чтобы если что – Таню в круглосуточную группу определили. Неужто до сих пор ребенок в саду? Она же с ума сойдет, пять годиков всего, ребенок без мамы не может!

Погоди гнать волну, думай еще, час на фоне полугода – не время! В содержимое вникай, в содержимое! Панику к черту, все эмоции и думы после!

По прочтении оправила мешковатый халат, для пущей конспирации повязала косынку и, прихватив из угла веник, неспешно побрела в душ, как есть уборщица. Мысли разбегались, словно тараканы при внезапно включенном свете. Женщин у нас мало, дамская половина санитарной зоны обычно пустует. И в этот раз никого. Заперла дверь, скинула одежду. Встала перед большим зеркалом, вперила взгляд в отражение.

Я или не я? Белое, длинное, тощее тело... зачем так грубо, Наталья – не тощее, а стройное. Грудки что надо, пусть маленькие, зато упругие, дольше не обвиснут, как у некоторых. Родинка. Шрам надо лбом, под волосами. Волосенки жидковаты, зато светлые. Виснут сосульками, но это временное явление – помою и распушусь в одуванчик. Все мое и на месте; сомнений нет, передо мной – я. Ф-фу, отлегло.

Но что-то не так. Что?

Ёлы-палы, осязание просело... Трогаю предметы – вроде нормально. Но именно что вроде. Если шарить не глядя – вдвое как минимум упала чувствительность. Спокойно, для паники нет оснований: наверное, сказываются последствия травмы или еще какой гадости, из-за которой я оказалась в боксе.

Согласно моему же отчету из таинственной папки, считывание мозга прошло успешно, и вплоть до момента ИКС я вела обычный образ жизни, исправно ходила на работу.

Работаю я над телепортацией. Не в общем и целом, а в узкой ее части. Ученый из меня так себе, на подпевках, но я стараюсь, вникаю, грызу и в своей области, смею думать, разбираюсь досконально. Мы, работяги, процеживаем горы шлака в поисках зернышка. А находим – его тут же прибирает в свои гребучие лапы начальство. Мы пашем, они стригут. Не заводись, Наталья, испокон веков одни эксплуатировали других, было б с чего расстраиваться.

Момент ИКС случился три недели назад – четвертого июля: я вдруг перестала вести рабочий дневник. Безо всяких на то предпосылок – по крайней мере, они не отражены в

предыдущем материале. Чтобы я – да не записывала! – со мной такого в принципе произойти не могло, разве что всемирный потоп или апокалипсис.

Одиннадцатого июля, то есть спустя неделю от момента ИКС, следовала странная запись:

«Успела! Прости и прощай!»

Чисто в моем стиле: красиво излит вопль души, о чем именно – непонятно. Но веет болью. Такой безумной и сильной, что я – нынешняя – стерла ту запись. Ибо нефиг.

И все, больше в отчете ничего нет. Пусто.

Зато есть мое тело, очнувшееся в боксе для телепортированных, и сознание, помнящее события лишь до момента считывания мозга, случившегося полгода назад. Что это значит? Самая вероятная версия – со мной что-то сделали. Не что-то – смелее рассуждай, Наталья! – а конкретно: телепортировали, раз очнулась в боксе для телепортированных. И после закачали полугодовой давности копию.

Одно радует – выпавшие из памяти полгода я вела нормальный образ жизни, судя по скрупулезным записям дневника, значит, и Таня со мной была. Если она и в круглосуточной группе, то две-три недели, а не полгода. Тоже не фонтан – плачет небось, страдает... Нельзя на эту тему думать, расклеюсь. Без психоза, Натик. Я спокойна, спокойна, спокойна...

К опытам по телепортации животных институт приступил не так давно, если мерить глобальными мерками. Начали с мышей, дошли до собак. Благодаря подвижнической работе рядовых сотрудников (намекаю на нас с Лехой) удалось телепортировать живой объект на метр, потом на два, причем в соседний отсек с бетонными перегородками. Отличные результаты! Премии сыпались одна за другой, институт вышел на первые позиции в мировой научной гонке, газеты обещали скорый революционный прорыв и новую эру для человечества.

Но... Существовало маленькое «но»: перемещенные особи становились какими-то... странными. Будто с ума сходили. Падали и лежали, лапами дрыгали. Спустя какое-то время подымались – и начинался концерт: бегали, словно заведенные, по кругу, а некоторые и на человека бросались. Потому-то меня, наверное, и заперли после процедуры в боксе – вдруг в буйство впаду, покрушу имущество, сильная ведь, не рохля какая. А я, по всему, не пришла в себя, валялась недвижно – и тогда в меня закачали копию...

Телепортированных от нас забирали биологи. Меня передернуло – не хватало оказаться в безжалостных лапах и подвергнуться вивисекции! Из их огороженного здания порой раздаются настолько душераздирающие вопли, что сердце заходится от жалости, а перед глазами всплывает картинка: бедных жертв препарируют без наркоза. Вовремя сбежала!

Что дела не совсем благополучны – поняли мы с Лехой еще по первым экспериментам, когда подопытных забирали не сразу. Потом начальство очухалось, навело секретность. Ты работал – а результатов не видел, плоды труда изымались. Что конкретно происходило с плодами – оставалось лишь гадать. Биологи молчали, будто воды в рот набрали, даже на неформальных встречах в курилке. Лешка жаловался: его друг биолог Женька – и тот словечка по интересной теме не вымолвил.

Теперь понятно, почему работы засекретили: у испытуемых ломалась нервная система. Осязание – оно ведь благодаря нервным волокнам работает. Неприятно: на весь свет раструблили – вплотную, мол, подошли к освоению принципиально нового метода перемещения человека – и вдруг такая подлянка. Кому нужен транспорт, хоть самый распрекрасный, если он калечит пассажира!

И тут предо мной всплыл закономерный вопрос: копию мозга логично снимать непосредственно перед серьезным испытанием, телепортация же – испытание, серьезнее не бывает, и если вдруг в меня загрузили старый, полугодовой давности образец – значит... что? Да что угодно. Я чего-то натворила? Нет, не могла, у меня ж ребенок... Не стала бы Танькой рисковать – железно. Тогда... Мамочки!

Вот именно – мамочки. Я – мать! Где мой ребенок?

Немедленно к Таньке! Танечке моей ненаглядной, крошке розовощекой, пупсику сладкому...

В садик неслась изо всех сил – надо успеть на вечернюю прогулку, пока дети на улице и доступны взгляду. Старалась не думать. Удовольствие от быстроты преодоления пространства – пожалуйста, получай, а вот головой работать – не смей! В мозгу копошились личинки гадких мыслишек, заковать и не выпускать!

Не вышло не выпускать. Одна, самая жуткая, так пробила защиту и затопила сознание: а вдруг что ужасно непоправимое с дочей случилось? Вполне ведь возможный сценарий – мать добровольно идет на убийственный эксперимент. Потому что жить без ребенка смысла нет. Одна она у меня. Мужик предал, к другой ушел. Родители тоже предали – взяли и погибли в автокатастрофе. Сейчас я узнаю, что и дочь...

Влезла в крапивные заросли, прилипла к ограде, где гуляли круглосуточники. Полина, Данила, Антон... а Тани нет.

Меня затрясло, словно припадочную.

Кончай истерить, Наталья. Вон малец возле забора отирается... Юркнула к нему ползком.

– Егорка! – окликнула белобрысого пацаненка, сосредоточенно сопевшего над самолетиком. Развинчивал на составляющие – любимое хобби, гены в действии, называется. Отец его – теоретик, академик, выдающаяся личность, входит в руководящий пул нашего института.

– Тетя Наташа?! – воскликнул мальчик.

– Тс-с! Нельзя, чтоб меня видели. Где Таня?

– Ты из психушки сбежала? Папа сказал, ты сумасшедшая и тебе место в психушке.

Вот ведь умник, что твой папашка...

– Ну да, оттуда! – согласилась покорно, лишь бы скорее перейти к главному. – Про Таню скажи, не мучь больную тетю.

– Она ждала тебя! Плакала! Чего ты не шла?

– Когда? – простонала я. – Где?

– Ее папа забрал. А ты иди обратно, убегать нехорошо.

– Какой такой папа? – удивилась.

– Егор, ты что там! А ну, отойди от ограды, быстро! – хлестанул по ушам окрик воспитательницы. Задним ходом я вильнула назад в заросли.

Отпустило, разжалась натянутая струна. Дочь жива, и это главное. А с остальным разберусь. Неспешной рысцой трусила в направлении коттеджной застройки, куда переселился мой бывший, и крутила в голове версии.

Гаденыш взял моего ребенка! Но зачем? Зачем ему Танька? Неужто его нынешняя богатенькая пассия бесплодна, и он решил забрать дочь в новую семью?

Вполне себе версия: чтобы избавиться от настоящей матери, они подкупили шефа, уговорили создать из Натальи Петровой идола – первого на Земле телепортера. Типа космонавта Юрия Гагарина. Потом еще и наживутся на моем имени и славе, какие-никакие, а родственники...

Ха! Придумали – отнять дитя у матери! За свою кровиночку порву любого. Держитесь, гады!

Бывший смотрел на меня во все глаза, будто на мертвеца ожившего. Хотел и не мог выдать ни слова. Лишь рот открывал, как выкинутая на берег рыбина. Большая, загорелая и накачанная. Холеный, паразит.

— Где спрятал Таньку, спрашиваю в последний раз! — я бешено выпучила глазищи, раскрыла пасть, обнажив клыки. А что, хороший ход подсказал Егорка — косить под сумасшедшую. Тесак прижала острием к его подбородку. Капля крови скатилась по лезвию.

— И-у! — икнул козел.

— Ах, так! — рассвирепела я уже по-настоящему.

— погоди! — услышала вдруг сзади. Плавнo повернула голову, сохраняя на месте орудие давления.

Передо мной стояла его новая жена. Лицо белое. Губы трясутся. Волосы растрепаны. Но даже в таком расхлябанном спросонья виде не потеряла стати. Красивая, не мне чета. А главное, глаза б мои не видели — пузатая! Боже ж ты мой, беременная!

Стройная версия сыпалась в прах. Я обессиленно опустила руки. А ведь ни к чему им моя Танька, свою скоро родят.

— Где — мой — ребенок? — прочеканила устало. Заранее зная ответ.

— У нас ее нет, Наташа! — прожурчала Жанна д'Арк и загородила расплывшимся животом мужа, оттеснив его тушу себе за спину. — Правда, нет! Давай проведу тебя по дому, любую дверь открою.

Откроет она... любую...

Губы мои задрожали, в носу защипало. Отвернувшись, незаметно смахнула слезу.

— Где она? — повторила с безнадежностью попугая.

— Не знаем мы, не знаем! — ожил вдруг бывший. Осмелел, вишь, когда я ослабла.

— Ну и хрен с вами.

Резюмировала и растворилась в ночи. Столько усилий — и все зря.

Погоди, как Егорка сказал, дословно? «Ее папа забрал!» Почему я решила, что «папа» — мой бывший? Да он ни разу в саду не был, мальчишка его знать не знает! Получается — что? Вот именно, дурашка. И я галопом ринулась напрямую через горы обратно. К академику. В элитный поселок, где проживали институтские бонзы.

26 июля

На полпути тормознула. Светало, день входил в законные права, обнажая темные углы и потайные тропы. Не стоит ломиться с бухты-барахты, без плана. Да и отдохнуть не мешало, поесть-попить. Хоть и не хочется, но надо.

Присмотрела заброшенный домик на окраине садоводческого товарищества. Дверь была ожидаемо заперта. Я и полезла в окно, прихватив железяку. Разбила стекло и... Форточник из меня никудышный: потеряла равновесие и напоролась на осколок, торчащий в раме. А нечего в чужие дома без спроса лазить, Наталья. Поранилась, зараза, и крепко.

Без паники, у дачников всегда есть аптечка!

Но почему не больно? Взглянула на пораненную руку — и соломенные мои волосенки встали дыбом. Чуть сознание не потеряла от испуга. До обмирания. Мясо разодрано, а крови нет!

Ощупала себя, стены, стол... Осязание упало практически до нуля. Утром еще чувствовала, а сейчас... И кровь... Тягучий пластик, а не кровь.

Охренеть, я что — превращаюсь в зомби?

Да ну, не может быть. Слеза, вон, недавно выкатилась — а у зомбей слез не бывает! Здесь другое.

Мозг передает мышцам приказ на движение по нервам. Если нервная система терпит крах, то каким образом я вообще двигаюсь? Причем бодренько так, без особых усилий! Запуталась... так работают нервы или нет?

А-а, дошло – работают, но в одну сторону! Мозг командует, тело выполняет – односторонний процесс. Обратная связь порушена. Не чувствую ничего – потому что назад не отдается. Если вообразить – рана болит! – ой, тогда и больно. А не воображать? Не воображать сложно, ежели знаешь, что должно быть больно. Но если не знаешь... С ума сойти, голова кругом. Махнем-ка ножкой... ого, на цельный шпагат, а ведь я отнюдь не гибкая. И руки вращаются – не каждая гимнастка повторит. А подпрыгнуть? Тоже неплохо: выше прежнего. Физические кондиции улучшились. И у зомби тоже... Стоп. Кончай себя пугать.

Аптечку нашла быстро. Особо не вглядываясь в консистенцию, полила рану перекисью, залепила накрепко пластырем.

А ведь зря я к академику намылилась. Если б Таня была у него дома, Егорка так бы и сказал. Не врут дети, не умеют. Нет у них Тани.

Что делать, решу после, на свежую голову. А сейчас – отдыхать. Да, отдыхать – я человек, а не зомби, и должна вздремнуть. Даже если собственно телу все равно – мозг не может работать сутками. Мозг у меня точно живой!

Проспала до вечера. Проснувшись, первым делом подошла к зеркалу, вгляделась. Черты лица обострились, цвет потускнел, проступил землисто-серый оттенок, выглядевший особо отвратительно на фоне нежно-розового закатного буйства.

Вслушалась. Сердце стучит? Не стучит. А заставить? Представила: гладкие мешочки – начинают – медленно – пульсировать...

Вроде что-то зашуршало в груди. Могу завести моторчик, могу. Только что он гнать по венам будет, идиотка, у тебя же кровь свернутая! В носу засвербило, захотелось плакать. Не будет крови – не будет и внешнего вида. Совсем скоро. Где Танька?

И тут на меня снизошло: надо к Лехе! Леха все знает, он мой друг и соратник, работаем рука об руку. План действий оформился сразу и выпукло.

Простите, хозяева, прихватчу кое-что из ваших запасов. Потом верну сторицей, и за разбитое стекло в том числе. Если оно будет, это «потом».

Понимала ли я, что могу попасть в ловушку? Понимала. Если где и организовывать засаду, не считая собственного жилища, то именно у Лехи. Потому, прежде чем лезть в здание, подготовила путь отхода. Может, зря старалась. Но лучше перестраховаться.

Жара, июль – окна через одно нараспашку, в том числе в умывалку на третьем – Лешкином – этаже с противоположной стороны здания. Когда луну скрыло набежавшей тучкой и воцарилась тьма, я взобралась по трубе и проникла внутрь.

В общежитии коридорная система. Как ни вглядывалась в длинный сумеречный коридор, подсвеченный редкими тусклыми лампочками, ничего подозрительного не уловила. Шла крадучись, тихонько, словно тень.

Дверь в Лехину комнату была не заперта. Она частенько не заперта, общага же, почти коммуна. В абсолютной тишине привидением я скользнула внутрь.

И увидела Леху.

Он сидел в центре комнаты, одетый в белую рубаху с длинными рукавами, ровно такую же практикуют в психушках. Руки крест-накрест привязаны к телу и к спинке стула, рот залеплен пластырем. Его любимый торшер направлен освещал поникшую фигуру хозяина.

Я остолбенела. Что это – засада? Но никого же нет! Или есть?

Тихо, замереть и не двигаться!

Он поднял голову, будто почуял, а ведь ни звука, ни шороха не произвела, вонюю уже, что ли? Несколько долгих секунд мы гляделись друг в друга. Он продолжал сидеть неподвижно, ни один мускул на лице не дрогнул. Жили одни лишь глаза. Распахнутые до невозможности. Удивление, радость, испуг... И голова его отчаянно дернулась в сторону окна.

Поняла, не дура. Метнулась стрелой, куда указал Лешик. Возникшие ниоткуда фигуры в черном не успели меня коснуться, я их опередила. В прыжке разбила телом стекло и рухнула вниз, на асфальт.

Тут же вскочила и помчала к кустам, за которыми поднимался лес. Наверное, сломала ногу – бежать быстро не получилось, но больно не было – и ладно.

Гвалт, всполохи света... Опоздали с фонариками, господа преследователи, из тьмы вам меня теперь не выпечить. Нырнула рыбкой в заранее вырытую яму, накрылась пленкой и дернула рычаг, обрушив на себя землю. А чего, дышать мне не обязательно. Пусть ищут. От собак тоже обезопасилась: на десятки метров вокруг общежития рассыпала толченый перец из пакетиков.

Выползла из укрытия-могилы лишь через сутки, на рассвете. Вгляделась – нет дыры в окне. Заделали. Асфальт подмели. Тишь да благодать.

На карачках тихонько отползла подальше.

28 июля

Дачный домик становится моей временной резиденцией. А что, и расположен удобно – лес подходит прямо к забору, и электроника в наличии – есть откуда черпать информацию. Мусорить я не мусорю, аккуратная, вреда хозяевам не нанесу.

Опустила ставни и включила телевизор. Из новостей и узнала. Я, оказывается, – «ночной кошмар», именно так приятной наружности дикторша обозвала мою личность. Монстр и Чикатило в юбке, особо опасная больная, сбежавшая из сумасшедшего дома. За мной гонятся люди с автоматами, чуть не военное положение объявили по округе: «Перехват» и прочие планы. Как у Маршака, «ищут пожарные, ищет милиция»... читала Таньке на днях... в прошлой жизни.

Под льющуюся с экрана музыку, перемежаемую веселыми репликами, чинила коленку. Работала, отрешившись от мысли, что ковыряюсь в собственной ноге. Запретила себе даже думать о боли. Операция и прошла безболезненно. Восстановить на сто процентов не удалось, но проводами-шурупами скрепила треснувшую чашечку, подпаяла – и нормально! Сгибается нога. С натягом, правда. Но ходит уверенно, бегают тоже. Главное – не разрушается дальше. Ничего, Леха потом подправит, лучше, чем было, отремонтирует, он у нас не только головастый, но и рукастый... Ох, Лешенька, как ты, где? Во что мы с тобой влипли?

Ждать ночи не стала, сразу и потопала, завершившись с лечением. Путь мой лежал к академику, отцу Егорки. Он увел Таньку из сада. Не ниточка даже – канат. Опасно? Да. Сын наверняка рассказал отцу о нашей с ним встрече. С другой стороны, мальчишки обычно подобную ерунду, как беседа с теткой, ни в грош не ставят и дословно не запоминают... Ну, сказал он мне возвращаться в больницу, а где Таня – не знает. Может выгореть? Может. Но если вспомнит свое «папа забрал» – жди ловушки. Потому необходима разведка.

С академиком мы знакомы шапочно: сталкивались в садике по утрам, господин любил лично сопровождать сына до группы. Так и не решилась я не то что поболтать со звездным папашей, но и парой фраз переброситься. Хоть и люблю это дело – посудачить с мамашками. Не воспринимала его за простого родителя, все-таки замдиректора, работодатель... нас много, их единицы. Робела до онемения. Еще и бывший постарался, опустил мое самонаименование ниже плинтуса. Говорю, самооценка ни к черту. Была. Да сплыла.

Нынче все поменялось. Силищу ощущаю немереную. И в некотором роде браваду – ни ножи не страшны нам, ни пули. Совсем не устаю. Не задыхаюсь. Вообще могу не дышать! Но дышу, заставляю себя. Потому что иначе нельзя: начнешь думать, что мертвая, мертвой и станешь. А я живая. Живая!

Да, я не чувствую. Но мне больно вспоминать. А зомбям не больно, им все равно, их ничто не колышет. Я не зомби!

В элитный поселок проникла, использовав вновь приобретенные качества – просочилась там, где живые не пройдут. Закопавшись в землю, наблюдала за домом, пока не стемнело. Звонкий голосок Егорки, вызывающего к отцу, подтвердил – семейство в сборе.

28 июля, вечер

– Ну здравствуй, Наталья! – сказал академик, когда я возникла перед ним в его собственном кабинете. Будто и не испугался вовсе, железные нервы у мужика. Я ведь теперь... э-э, как бы помягче... выгляжу страшненько. – Я ждал тебя.

Ага, ждал, как же, на голубом глазу верю.

– А чего ж тогда охраны нет?

– Специально услад. Тебя спугнуть боялся! – произносит этак проникновенно, полупшепотом. – Поговорить надо!

– Ну, говорите. Слушаю! – И тесаком верчу-поигрываю...

И понес он какую-то ересь – извинялся, что недоглядели, но теперь они сделают все возможное, чтобы исправить ситуацию. С ног сбились, ищут меня всем миром, потому что хотят помочь.

– А с Грозовым Алексеем что?

Он мазнул по мне удивленным взглядом.

– Как! Они тебе не рассказывали?

Что за «они», кто такие?

– Не помню! – говорю честно.

– Что, совсем ничего?

– Совсем! Провал в памяти! – закусив губу, я никну.

И он рассказывает историю. Будто бы некоторое время назад – точнее, четвертого июля – случилось несчастье: наши с Лешей головы попали под облучение. Каким образом? Отключилось электричество во всем корпусе, мы склонились взглянуть на объект – а свет возьми и включись. Головушки наши переместиться – не переместились, ибо в задании сдвига при обесточивании автоматически выставляется нуль. Но, видимо, как-то обновились. Повредились умом, одним словом, сразу и обе.

И увезли нас с Лехой в психиатрическую клинику. Откуда я сбежала через пару дней. Пять дней меня ловили всем составом и поймали, куда ж я денусь. Была я плоха и буйствовала, но, в отличие от шелкового, словно растение, Алексея, проблески мысли у меня проскальзывали.

А потом меня выкрали – и телепортировали. Насильно.

– Погодите, а как же я оказалась в боксе для телепортированных?

– А где ты хотела? Аппарат для телепортации – один-единственный в мире.

– Но... как же... меня же украли... – поперхнулась я.

– Элементарно. Похитителям был выставлен ультиматум: убирайтесь с миром, но оставьте женщину. Вот и...

– А Лешка?

– С ним по-прежнему плохо, лежит в клинике. Уж мы его и на место жительства в общежитие помещали – надеялись, знакомая обстановка даст толчок мозгу на восстановление... да ты его на днях навещала, хоть это-то помнишь?

Я не ответила. Что-то здесь не сходилось...

– Рану открой! – вдруг приказал. Голосом невыносимо уверенным, будто он бог на земле, а остальные – паства. Привык пациентами командовать...

А что, пусть глядит. Может, чего дельного присоветует. В инфаркт не впадет, надеюсь, они ж на собаках насобачились, понавидались всякого.

Аккуратно отлепила на руке пластырь. Рана не заживала, все в том же виде и пребывала.

Он вперил внимательный взгляд в мое обнаженное пластилиновое мясо.

– Да-а... – резюмировал. – Этого мы и боялись.

Я вернула пластырь на место.

– Ну и?

– Одно могу сказать точно. Ты должна прямо сейчас пойти со мной в институт. Это надо исследовать. Попробуем тебя перезапустить, вдруг получится оживить. Мозг ведь у тебя живой? Живой. Результат не гарантирую, но обещаю попробовать.

– Перспективный вердикт, – усмехнулась.

– А что ты хотела?! – вскинулся он.

Что я хотела? Что я хотела...

– Где Таня? – спросила в упор о главном. Пока лапшой мозг не завесил.

Он дернулся. Дернулся! И в сердце у меня бухнуло. Что с моим ребенком?!

– В надежном месте.

– Где именно? – сменила жесткий тон на мягкий, просительный.

– К тебе ее приведут, когда сдашься.

Издавается. Определенно, издавается. Шантажирует ребенком!

Ну, погоди, ты первый начал.

– Егорка! – прокричала, приоткрыв двери. – Иди сюда, папа зовет!

Академик изменился в лице, самодовольство как ветром сдуло.

– Ты! Что ты... не-ет... не посмеешь! – просипел. Голос пропал, ага.

– Еще как посмею! – ухмыльнулась. – Говори, собака, где Таня?

Ну, он и сказал, что не знает, где моя дочь. И никто не знает. Мол, в тот же день, четвертого июля, когда случилось несчастье и маму увезли в клинику, он забрал ребенка из садика и определил в «Теплый дом» – известный в городе приют для попавших в сложную жизненную ситуацию детей. А вскоре – через несколько дней – она оттуда исчезла.

Я печенкой почувствовала – не врет. Потому что за дверью стоял и стучался Егор, войти рвался. Единственный, поздний, долгожданный и желанный ребенок. Папаша аж посинел.

Я не монстр. И не Чикатило. Покинула их по-английски.

Ночь на 29 июля

Раскинув руки, валялась на травке, в лесу на полянке, глядела на звездное небо и думала. А что, если все так и есть, как сказал академик? На правду похоже... про психушку Егорка ведь тоже упоминал.

Но тут вспомнила взгляд Лехи. Не был он сумасшедшим, хоть режь. И тем более шелковым растением. Больные глаза замученного человека ясно кричали: «Беги!» Соврал академик про Леху. И словам его нет веры. Мужик умный, что хошь на раз-два придумает. Явилась нежданная, но желанная гостья – он и насочинял. Проверить бы. Но как?

И про нулевой сдвиг подозрительно... нуль – он и есть нуль. Хотя...

Что такое телепортация, в сущности: пропало в одном месте, родилось в другом. Набор перешел в набор. А душа? У меня же перешла?! Не обнадеживайся, вряд ли перешла, раз копию закачали. Но ведь тогда... елы-палы... Неужели телепортация – эффективный метод превращения человека в зомби?! Да еще с возможностью закачать любые мозги?! Это ж Клондайк... Вот почему гоняются за мной не полицейские, а люди в камуфляже не пойми какого рода войск... Военные? Спецслужбы? Обалдеть! Спокойно, Наташка. Промокашка. Промокнись и думай!

Какую информацию – факты, а не сказочку от дядюшки-академика – узнала я в результате визита?

Два дня меня держали в психушке – раз. И пять дней за мной бегали – два.

И тут я подскочила, будто пружиной подброшенная. Два плюс пять равно семи! А ведь именно на седьмой день после момента ИКС выпадала та запись из компьютера: «Успела! Прости и прощай!» Ведь это я себе писала! Я! СЕБЕ! Зная, что вот-вот схватят!

Что я могла «успеть»? Да Таньку спрятать! Не баклуши ведь я била пять дней на свободе, наверняка сосредоточилась на главном. В старой ли, в обновленной, но главная мысль в обеих моих головушках все равно одна-единственная – про дочь.

Ура-а-а!!! Это я спрятала Таньку!

Пустилась в пляс.

Господи, пусть именно так и будет!

Отсюда, кстати, следует, что и про несчастный случай академик соврал. Не сходили мы с ума... по крайней мере, четвертого июля – точно не сходили. И Леха в плену, а не в сумасшедшем доме. А меня ищут совсем не для того, чтобы помочь. Что-то мы с напарником отчебучили выдающегося... или собирались отчебучить. В какой такой области – очевидно. Двое блаженных вопреки генеральной линии института решились донести до общества правду про новый оригинальный вид транспорта – заходят люди, выходят зомби. Или еще чище, чего мелочиться, – разоблачить планы военных на нового универсального солдата, фильм такой старый был, помню, с Ван Даммом в главной роли. Недаром главные наши спонсоры – военные. Делов-то – телепнул какого-нибудь отмороженного заключенного, закачал новый мозг – и получи на выходе преданного идеального бойца-зомби, которому ни пули, ни радиация нипочем!

А ведь я теперь – тоже Ван Дамм. И поддам. Ну-у... собираюсь поддать, если получится.

Но прежде найду дочь.

Раздухарилась, ишь, целую теорию заговора выстроила... А ведь толком не знаешь, одни догадки, может, туфта все это, из пальца высосанная...

Туфта? А моя кровь свернувшаяся – тоже туфта?

Может, навестить шефа, он точно знает... Нет! Оставь шефа в покое, там стопроцентно ловушка, второй раз уйти не дадут, ребятки тоже не болванчики, ошибок не повторяют. Мозгуй лучше, куда Таньку дела!

Но сколько ни мучила мозг, ничего не вымучила. Ни одного безопасного места не вспомнила. Ну не знаю! Не знаю! Куда могла «успеть» спрятать?

И я вновь углубилась в думы, уже без хаотичного надрыва, размеренно проворачивала в голове слова последней записи.

«Прощай» – ясно, прощалась. Со мной нынешней. То есть знала, что я заменю ее. В смысле, себя. Предположение шаткое, но согласуется с «успела». Хочу верить – так оно и было. И буду верить – по крайней мере до тех пор, пока не получу доказательства обратного.

Покая не давало «прости». За что прощения просила? Она (я бывшая) сделала все возможное и невозможное, не сомневаюсь. Это мне у нее прощения просить. А сантименты разводить – не в нашем стиле.

Не заметила, как отключилась. Да, спать мне необходимо. Хотя бы изредка. Потому что я человек, а не зомби.

«Прости» я раскусила во сне: увидела родителей... Они укоризненно качали головами. Вот именно – укоризненно! Вскинулась, сон как рукой сняло. По жизни я, может, и застенчивая, но никак не сентиментальная, скорее, жесткая, просить прощения – у себя! – могла только из-за них. Потревожила небось их прах. Это ж просто, как дважды два, – надо идти на могилу и искать знак.

Сразу и потащилась, благо недалеко и время подходящее – глубокая ночь. Наверняка меня там ждут, обложить родные места – классика жанра. Обходить засаду лучше, когда наблюдающие клюют носами. По счастью, кладбище – не квартира в городе, где со мной легко справиться. Кладбище – моя теперь вотчина. Сыграем на равных. В игру вступает хромая зо... – нет-нет, не зомби! – Баба Яга. Ха!

Авто засекала сразу. Непреступно закрытое. Сидят, поди, перед экранами, с воткнутыми в уши наушниками, ждут, когда сигнализация сработает. Правильно делают: у могилы в кустах лежать холодно и сыро. А приборчики я найду, с приборчиками не один пуд соли съела, работа у меня такая.

Вижу в темноте неплохо, хоть какой плюс от нового состояния. Ползла и всматривалась.

Система детекторов плотно перекрывала зону. «И это все?» – усмехнулась. Недооценивают...

Змей и прочих гадов я теперь не боюсь. Швырнула на могильную плиту змею, прости, отец. Тварь извивалась, того и гляди уползет. Странно – ноль эффекта. Почему тишина?

И тут как включились прожекторы, подвешенные на деревьях, как завывала сирена... Вдобавок сверху упала металлическая колючая сетка, накрыв большую площадь. Меня краем задело, едва ногу выдернула, сдирая кожу. Сетку-то я и не предусмотрела... так что не они, а я недооценила. Чуть не попалась.

Народу набежало, ох... Змею чуть не под микроскопом разглядывали. Матюги стояли – аж воздух загустел, топор вешать можно.

Сетку заново устанавливать не стали, отложили на утро, а мне того и надо. С лучиками сигнализации, снующими туда-сюда, худо-бедно справлюсь...

Занимался рассвет. Тьма сменилась серой полумглой, тишина била в уши. Можно начинать! Перво-наперво влезла на дерево и чуток отвернула камеру. И лишь после пробралась к родителям, старательно обходя препятствия.

Оранжевый блин солнышка, восходящий из-за горизонта, одарил лучиком, продравшимся сквозь густые ветви. Будто знак ниспослали сверху – мол, мы за тебя, Наталья! Я улыбнулась ответно солнышку и продолжила поиски.

И нашла.

На отцовом постаменте, мелко, в самом низу и сзади увидела знак: «ZNP1298785». Наш с Петровичем опознавательный шифр, еще с аспирантских времен. Никому, кроме нас двоих, не известный.

Вот это да! Получается, шеф на моей стороне?!

Настроение не просто повысилось – до небес скакнуло. Шеф помог и вывез Таню в безопасное место!

В эйфории лежала у могильной плиты и дергала сердцем и легкими, а желудок сам булькал в кадрили. А руками-ногами – ни-ни: сигнализация!

На радостях чуть не забыла стереть послание – но природа напомнила, накрыв оранжевый блин тучкой. Первую букву я все же стирать не стала – знак Петровичу, что прочла и осознала, пусть ждет и готовится.

Доберусь до резиденции – и в спокойной обстановке расшифрую код. А пока повторяла его и повторяла, вбивала в мозг намертво.

Ночь на 30 июля

Код расшифровала. По всему, это координаты. Осталось найти на карте. И где мне ее взять? Хозяин дачи сей предмет в доме не держит.

Первой мыслью было – посмотреть в Интернете. Но с Интернетом сложно: наверняка активирован режим слежения, когда любой, работающий в Сети, сканируется с целью идентификации. Опасно. Ну его, Интернет. Лучше по старинке. Большой географический атлас который год украшает собой витрину книжного магазина...

Когда наплывшие тучи сгустили тьму, а город перешел к просмотру своего десятого сна, я серой тенью прошелестела к известному дому, разбила стекло витрины, вытащила атлас – и деру. Свидетелей никого, полиция придет не скоро, элементарно, Ватсон, а всплывшую было мыслишку о низости свершаемого поступка – на генном уровне ведь вбито, что красть нехорошо! – откинула как вредную в моем конкретном положении загнанного зайца. Собаки, заразы, увязались преследовать зайца, пришлось рулить в лес, туда стае бежать не резон – не их вотчина.

Углубилась в чащу. До резиденции не дотерпела: как только в тучах образовалось окошко и лунный свет озарил пространство – на первом же поваленном дереве разложила уворованный атлас. И отыскала на карте ту самую точку, где пребывает роза души моей – ненаглядная Танька.

Погрустнела: больно далеко. Сотни километров суши и воды.

Подозреваю, что и Петрович там. Или нет? Идеальным вариантом было бы, если б он Лешину маму привлек, Нину Васильевну. Когда она приезжала навестить любимого единственного сыночка, то останавливалась у нас с Таней, не в мужской же общаге жить – неудобно; и всю свою нерастрченную нежность на девочку изливала, на Леху не больно-то изольешь. И Танька ей радовалась, как родной бабушке.

Таня, Танечка...

Я опрокинулась на спину. Облака черными ключьями рвали серебристое лунное небо. Так и меня... рвут... темные непонятные силы. Ничего, вон на востоке забрезжило. День идет. И для меня придет, верю.

Добираться придется своими силами, людской транспорт недоступен. Борода, усы, развевающиеся белые волосы, просторная хламида, посох в руке – чем не вариант? И побреду я, аки странник. И поплыву, аки рыбина. Заманчивая перспектива, н-да. Но я дойду, не сомневаюсь.

Хорошо, дойдешь. А дальше?

Представила: возникаю, счастливая, перед Таней, тяну к ней руки и...

И ребенок становится заикой. Ясно?! А то и с ума сходит, что более вероятно. Увидеть страшилище – куда ни шло, пережить можно. Но когда ходячий труп вдобавок отдаленно напоминает родную мать – реально повредиться рассудком. Как ребенку, так и взрослому.

И меня – затопило. Ужасом понимания.

Я – не смогу – предстать – перед дочерью! Не смогу... Не посмею.

Больно, до чего больно...

В глазах защипало.

Утерлась тыльной стороной ладони. Задумчиво повертела рукой в лунном свете, задавая разные углы отражения. Ну да – блестит, отсвечивает неверным светом влага.

Наталья, а ведь слезы – это тоже знак. Тебе, несчастной. Может, не врал академик, и меня в самом деле возможно... э-э... возродить? Перезапустить? Разве зомби плачут, скажите мне – плачут?

Пойти и сдаться, что ли? Ради Таньки. Вдруг они меня и вправду оживят, я же не полная зомби...

Очнись, милая! Вспомни Лешкин взгляд. Затравленный, отчаянный.

Нет, сдаваться нельзя. А что тогда можно?

Ну, это же очевидно, как дважды два. Ты знаешь что.

Я подхватила – хватит валяться! – и побрела к себе в «резиденцию».

На повестку дня выносятся задача номер один – освободить Леху. Все остальное – после. И прочь, сомнения и сантименты. Я – сильная. Ловкая. И вообще, я – универсальный солдат. В смысле, солдатка. Только так – и никак иначе.

Глава 2

Ежегодно в последний рабочий день перед Восьмым марта отдел собирался в конференц-зале. Нынешний год не стал исключением: поздравительные речи, улыбки, цветы, женщины ароматно благоухают, расцветивая яркими редкими мазками общее серое колышущееся полотно, – обычная предпраздничная картина.

– Всем внимание! Прошу не расходиться, ожидается еще одно мероприятие! – оголошил собравшихся начальник отдела Антон Петрович. Изготовившиеся было на выход сотрудники недовольно загомонили: в лабораториях поджидали разнообразные вкусности, подпольно пронесенные вопреки запретам. Как ни старалась дирекция блюсти дисциплину, но в части несанкционированных сабантуев проигрывала: желание праздника в народе неистребимо.

Из задних рядов поднялись трое и подошли к Петровичу. Двое – крепкие ребята в военной форме, третий же телосложения хлипкого и в гражданском.

– Хочу представить наших дорогих коллег! – торжественно провозгласил шеф, описывая рукой полукруг в сторону подошедших. – Они будут инспектировать наш отдел. Выявить неполадки и ускорить работу – наша общая цель.

И повел «коллег» по залу – знакомить тет-а-тет с персоналом.

Вытерпев лобызание ручки и льстивые комплименты своей якобы неземной красоте, Наталья раздраженно пробормотала вслед процессии:

– Удружил шеф. Хорош подарочек к празднику!

– Что, недовольна? А я думал, женщинам Тарзаны нравятся... в самом соку парни... – усмехнулся Алексей, коренастый брюнет роста чуть выше среднего.

Самолюбие его было уязвлено. Казалось бы – с чего? Всего и делов – пожали руки, представились. Но он словил на себе характерный пренебрежительный взгляд, присущий уверенным в своем превосходстве бойцам. Мазнули по нему, как по пустому месту. И ведь имеют основание зазнаваться: сквозь легкие серые рубахи угадывались мощные торсы. Он регулярно ходил в качалку, но никогда ему не накачаться до состояния этих двоих...

– Ф-фу, какой ты... Давай пари: щуплый в этой троице – главный, а качки – его охрана.

– Ты хочешь сказать, эти двое совсем не...

– Именно. Они тупые «шестерки», а ботаник гений.

– Да ну?

– Пари!

– Заладила, пари да пари... Не хочу.

– Леш, а не по нашу ли они душу? – едва слышно молвила она.

– Возможно.

– Усиливаем конспирацию?

– Не смеди. Только усугубишь. Может, наоборот, навести на след? Пан или пропал.

– Класс! Ты гений, Леха! Еще гениальнее, чем Ботаник!

– Во-от, так бы сразу. А то...

Распахнулись двери, и вошла делегация, состоящая в большинстве своем из офицеров.

Их-то Петрович и ждал. Взошел на кафедру и постучал молоточком, что означало – прекратить разговоры и внимать.

– Для ввода в курс дела вновь прибывших – а товарищи будут работать бок о бок с нами, перенимать, так сказать, опыт – предлагаю собранию прослушать небольшую вводную лекцию. Захаров, вы куда? Или вы полагаете, что знаете материал? Тогда милости прошу на мое место! С удовольствием слушаем вас.

– Что вы, Антон Петрович, как можно... просто дислокацию меняю... – промямлил Захаров, молодой и шустрый. Исчезнуть не удалось, придется слушать прописные истины.

– Телепортация, как известно, – это такое перемещение объекта, при котором движение нельзя проследить во времени, – полился красивый баритон Петровича, – или, в математических терминах, траекторию объекта нельзя описать непрерывной функцией времени. Вплоть до недавнего времени в академических кругах считалось, что материю и энергию телепортировать нельзя, а все паранормальные перемещения, описанные в неких околонуточных источниках, суть выдумка, фокус, подделка. Успешные же опыты начала двадцать первого века по телепортации фотонов и других мельчайших частиц подразумевали несколько иное явление, существенно более узкое, а именно – квантовую телепортацию. – «Квантовую» шеф выделил голосом. Для лучшей усвояемости повторил: – Квантовую! Квантовая телепортация обеспечивает лишь копирование свойств одной частицы на точно такую же другую. И эту другую еще надо организовать. Существуют и некоторые иные интерпретации явления: дырочная телепортация, нуль-пространство, прокол, ячейки Чекмасова. Транспортный луч и вовсе предполагает разложение объекта на атомы, перенос информации в заданную точку и ее восстановление с помощью некой машины, которая знает, как именно восстанавливать. Неизвестно, соберешь ли и что именно соберешь, но вот уничтожишь объект стопроцентно. Или, к примеру, если взять дырочную...

– А нельзя сразу к сути? – перебил шефа тщедушный Ботаник. И поправил очки.

Петрович заметно напрягся. С одной стороны, замечательно, что военные знают тему. С другой, перебивать – не комильфо, особенно когда к тебе со всем пиететом... и своего начальства не постеснялся, шельмец. А директор предупреждал!

– К сути так к сути. Институт пошел по принципиально иному пути: никакого разбиения на частицы, объект воспринимается целиком, – ускорил он темп изложения. – При этом переноса материи как таковой не происходит, и копированием информации наши опыты не назовешь. «Что тогда?» – спросите вы. Отвечаю. Возьмем микромир. Известно явление квантовой запутанности. Квантовые состояния частиц в запутанной паре взаимозависимы, и если поменять, например, спин первой, то автоматически вторая закрутится в обратном направлении. Располагаться при этом частицы могут сколь угодно далеко друг от друга. Собственно, аналогично и в макромире. Представьте образование в виде гантели – два воздушных шарика и тончайшую трубу между ними. Это и есть наша «запутанная» пара. Сжав первый из шаров, мы тем самым надуем второй, не прикасаясь к нему, и наоборот. Аналогия грубая, сами понимаете, природа сил иная. Дематериализуем объект в одном месте и «рождаем» в другом. Важно в этом «другом» заранее подготовить плацдарм и связать обе области в «гантель» – запутанную пару. Подготовить плацдарм несложно: достаточно насытить принимаемое пространство энергией. «Гантель» же сотворить можно, если определенным образом облучить объект. А вот что касается гравитации...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.